

П. СТРУВЕ

Размышления: мой ответ на газетную травлю

Когда поднялась газетная полемика по вопросу о «национальном лице»¹, мне казалось, что достигнут предел в смысле необъективности, злобности и несправедливости. Увы, я ошибся. Нашлись люди, сумевшие при помощи разных средств перейти и за этот предел. Это показала мне газетная травля по поводу моего ответа архиепископу Антонию. Всякий новый образчик этой травли вначале возмущает меня, но это чувство сменяется затем изумлением и тревогой. Тут есть нечто прямо болезненное и даже уродливое. Настолько уродливое, что чувства возмущения и обиды, вообще субъективная реакция на подобного рода «полемику» уступает место совершенно иному отношению.

Мой ответ архиепископу Антонию заключался в указании на печальное положение церкви как пленницы и орудия «политики». «Полемика» заинтересовалась не этой мыслью, а тем, *как* я отнесся к автору «Открытого письма авторам “Вех”». Но вместо того, чтобы указать, что я не то и не так ответил архиепископу, она стала утверждать, что я бросился в объятия архиепископа, и стала, меняя тон трагический на тон гаерский, обрабатывать эту тему. Т. е. вместо того, чтобы взять из моего ответа его мысль и обратить ее против того строя политических и церковных идей, выразителем которого является архиеп<ископ> Антоний, мои оппоненты стали, утаивая основную черту нашего обмена мнений, наперерыв стараться дискредитировать меня лично.

Дело совершенно нелепое и ненужное со всякой точки зрения, кроме личной травли. Самое резкое разногласие со мной уполномочивало их только на то, чтобы упрекнуть меня в мягкости тона и в отсутствии конкретных примеров, подтверждающих мою основную мысль. Я полагал и полагаю до сих пор,

что моей задачей не было «обрушиться» лично на арх<иепископа> Антония как деятеля церковно-политической реакции и «отчитать» или «разнести» его за возмутительную пропагандистскую деятельность Почаевской лавры, за покровительство иеромонаху Илиодору и его изуверской проповеди и т. п., и т. п. Сегодня одно, завтра другое, меня интересовали не отдельные факты, а общий смысл того положения, в которое церковно-политическая реакция и общая связь церкви с эксплуатирующей властью ставит самую церковь и ее «верных». Меня упрекают в том, что я слишком примирительно отнесся к автору «Открытого письма». Но я сознательно устранил из своей полемики всякую тень *нетерпимого* отношения к личности своего собеседника. Всякое иное отношение, всякий иной тон превратил бы наш обмен мнений в полемическое состязание, в бой на глазах у читателей. Я слишком глубоко чувствовал весь ужас положения, для того чтобы я мог «воспользоваться» «Открытым письмом» архиепископа Антония как «поводом» к «нападению». Мой тон вышел из вполне сознательного отношения, но вовсе не из расчета и не из «тактики». Нетерпимость к злу не есть нетерпимость к людям: смешивая одно с другим, неизбежно придешь к признанию того, что ради истребления нетерпимого зла можно и должно истреблять людей, являющихся носителями этого зла. Этот путь логически ведет к оправданию смертной казни. Моральное истребление противников ничем принципиально не отличается от физического.

Чем же, кроме терпимого отношения к личности политического противника, я прегрешил? — спрашиваю я авторов поносительных статей против меня. Такое отношение внушается мне, повторяю, не «тактикой» и «расчетом», а всем моим мировоззрением. И всего больше огорчило меня то, что авторы статей против меня оказались настолько не способны понять это мировоззрение, что в отсутствии нетерпимости к человеку они усмотрели терпимость к злу, измену убеждениям, чуть ли не хамское приспособление. И эти обвинения пошли теперь гулять по свету. Я делаю сейчас наиболее выгодное для моих оппонентов предположение, что они меня не поняли. Но и такое непонимание в высшей степени характерно для той духовной атмосферы, в которой мы живем, где людям понятны злоба и хамство, но непонятна принципиальная терпимость к людям.

Я знаю, что разного рода поносительным статьям против меня обеспечен гораздо больший публицистический успех, чем тому, что я пишу в настоящий момент. Но пишу я это вовсе не ради полемического состязания. Конкурировать с теми лица-

ми, которые прочили меня в редакторы «Известий Почаевской лавры», в силу полемических приемов я не могу, да и не желаю. Я не чувствую также ни малейшей потребности в самозащите и самооправдании. Мне важно спокойно установить то, что есть. Я глубоко убежден, что есть люди, которые, прочитав написанное, задумаются над смыслом отмечаемого мною явления глубокого отравления всей нашей общественности духом злобы, и те люди, которые над этим задумаются, обладают — я в этом твердо уверен — гораздо менее короткой памятью, чем те читатели, которые упиваются личными пасквилями. Вся эта газетная травля против меня, пожалуй, даже полезна как чрезвычайно резкое, прямо уродливое обнаружение некоторого общего и глубокого зла. Сказать это — мой публицистический долг. Так и только так я считаю себя обязанным ответить на тот дождь обвинений, поношений, заподозриваний, который обрушился на меня за мой ответ архиепископу Антонию.

(Слово. 1909. № 800. 19 мая (1 июня). С. 1)

